

дата

“благодаря зеркалам вам открывается нечто большее”

100 лет Элиасу Канетти

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося австрийского писателя и исследователя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти, прославившегося культовым романом «Ослепление» и эпохальным исследованием «Масса и власть». Газета впервые публикует на русском языке прозаические фрагменты Канетти, которые до самого последнего времени не были известны даже немецкоязычной публике. Согласно воле автора до 2002 года они хранились в закрытом архиве городской библиотеки Цюриха, будучи к тому же записаны особой авторской скорописью, которую Канетти называл тайным письмом. В отличие от многих других стенограмм Канетти, переведенных им самим в обычную систему записи, публикуемые тексты были расшифрованы совсем недавно.

Возможность наблюдать сцену с трех сторон сильно приближает вас к актерам. Вы входите в маленькое помещение, занятое двумя людьми, которые сидят в углу и производят впечатление влюбленной пары. Прочие столы свободны. Вы садитесь за один из них поблизости от пары. Благодаря зеркалам, вделанным в стены комнаты, вам открывается нечто большее. Кроме тех двоих в углу, существующих во плоти, вы видите двоих в зеркале слева и еще двоих в зеркале напротив. Они предстают в профиль, анфас и в профиль. Вам хорошо слышны их интонации. Она совсем молодая, миниатюрная и худенькая. Косметика делает ее вдвое старше. От носа к уголкам рта тянутся две резкие бороздки. Вглядываясь в ее глаза — две глубокие ямы, под которыми видны сумрачные тени, — вы можете попытаться постичь ее истинную натуру. Когда она смеется, вы уверены, что она плачет. Когда она спокойно смотрит прямо перед собой, вас пугают ее искаженные страданием черты. Красиво распущенные светлые волосы кажутся напоминанием о прошлой жизни. Ей самое большее шестнадцать. Ее пронзительные черты возбуждают мужчину до предела. Он худ и миниатюрен, подобно ей, однако волосы его черны как смоль, а его немецкий звучит тихим напевом, как у румына или поляка. Там, где ему недостает страсти, он прибегает к величественным жестам. Она должна быть с ним. Она сама увидит. Их ждут развлечения. У него есть пианино и красивый ковер. Ее ничто не интересует. Он размеренно продолжает свою песню. Никакие отказы не смущают его. Он выдумывает историю о том, как ради нее только что распрощался с какой-то девушкой. Она находит это опрометчивым. Она все же не пойдет с ним. Девушки — не игрушка. «...» Выражение ее лица становится еще мучительнее. Это веселит его. Он хватается ее своими узкими пальцами за подбородок и энергично смотрит ей в глаза.

10 декабря 1981 года. Элиас Канетти (слева) получает Нобелевскую премию из рук короля Швеции Карла Густава Фото: AP

Она высвобождается с презрением. Он берет ее пальцы в свою руку и облизывает каждый из них. Ей, однако, нет до него дела — она хмурит брови, представляя какую-то картину, в которой он определенно не фигурирует. Наконец она поднимает взгляд и смотрит на его шею. Ее интересует, чист ли его воротник. Он снова начинает свою нескончаемую тихую мелодию. Она плачет (то есть смеется) и насмехается над ним. Он же ведь умен. Он психиатр. Почему он этого не умеет? Ему следовало бы подождать. Он должен заставить терпением. Ее голос остается одинаково холодным, его — одинаково теплым. Точно так же, как она не способна больше обрести надежду, для него кажется невозможным потерять свою. Она на мгновение выходит. Она хочет узнать, который час, а у него нет часов. Ее мнение о нем падает до нулевой отметки. Пока она узнает время, я ищу в зеркале его лицо, ожидая встретить его грязную улыбку, с помощью которой незнакомые мужчины сообщают друг другу нечто о женщине, ес-

ли она не может этого увидеть. Он не улыбается, он смотрит на меня совершенно серьезно; в основе своей он меланхолик. По-видимому, он музыкант. Иначе он не стал бы первым делом расхваливать свое пианино. Ковер он добавил ради нее. Женщины к коврам равнодушны. Бляди покупаются на ковры. Он не знает людей. Он не замечает, что ее уже ничем нельзя впечатлить, даже деньгами, хотя они ей и нужны. Как только она возвращается и сообщает, что half past three (на этом уровне она английская выучила — из самолюбия), он снова обещает ей горы — на этот раз золотые. Ей не интересно. Она давно все знает. Он пытается захватить ее то с одной, то с другой стороны. Он делает это так неловко, так нерешительно, несмотря на то, что каждому движению предшествует подготовка и выполняется оно точно; этим он ей отнюдь не импонирует. У нее в тысячу раз больше опыта, чем у него. Она совершенно ничего не знает. Она, очевидно, не знает даже английского; ни о музыке, ни о психиатрии... она не имеет ни малейшего представления.

И все-таки она знает все, что он хочет; она знает, что он будет делать. Она, пожалуй, не понимает ни единого слова, и у нее, наверное, в сумочке книга. Ей знаком каждый, даже самый неприятный жест, поэтому она не обращает внимания ни на один из них. Она — тот психолог, тот ученый, которым хотел бы быть он. Она не замечает никаких индивидуальных свойств. Она знает, что он носит брюки. Ей известно типичное, и в соответствии с ним она регулирует свое поведение. В этом заключается ее ограниченность. Именно от этого она, несмотря на свои шестнадцать, уже выглядит сорокалетней. «...» Потому что на удовлетворение ее индивидуального тщеславия мужчины тратят бешеные деньги. Обычные ее потребности удовлетворить не так уж трудно.

В очень поздние времена, когда ветхая Земля была уже сильно перенаселена, внезапно появилась одна женщина, которой требовалось много места, — никто не знал, откуда она взялась.

Люди к тому времени разбогатели и стали много весить. Один сидел рядом с другим на собственном имуществе. На каждого приходилось четыре квадратных метра земли. Все моря были осушены, а все горы снесены. Горы находились в морях. Но гор было недостаточно для того, чтобы заполнить моря; вся земная поверхность располагалась намного ниже бывшего уровня моря. Веками шла эта нивелирующая работа, которой растолстевшие люди немало гордились. Они жили в невероятной тесноте. Такой же гладкой, как их земля, стала и кожа, натянута на их тучные тела. Вровень с покорением морей шло увеличение числа людей. Они были несметны, подобно песку, (которого теперь уже не было) и гораздо менее подвижны; не было ветра, который мог бы согнать их с места, с бывших морей никогда не прилетали бури. Мы напрасно искали бы образовавшиеся из людей дюны. «...»

Перевод с немецкого Кирилла Решетникова.

Газета

массовик всея Европы

Элиас Канетти родился в семье болгарских сефардов (евреев — выходцев из Испании) в городе Руцук, одном из многонациональных дунайских портов Болгарии. Старший из трех сыновей успешного коммерсанта, Канетти пошел в пеструю языковую среду: кругом говорили по-болгарски, родным языком семьи был ладино (сефардский диалект испанского), дед с отцовской стороны знал 17 языков. А в шесть лет Канетти переехал вместе с родителями в Манчестер, где поступил в школу и выучил английский. Однако основным языком Канетти стал немецкий, на котором говорили отец и мать. Проведя самые юные годы в Швейцарии и Германии, он поселился в Вене, где окончил университет. В 1938-м эмигрировал в Лондон, позже жил также в Цюрихе, где и умер в 1994 году. В 1981-м получил Нобелевскую премию по литературе. В романе «Ослепление» (1935) продемонстрировал знаменательный симбиоз трагизма и гротеска, в ранних пьесах («Свадьба», 1932, «Комедия тщеславия», 1934) предвосхитил театр абсурда. В 1960 году выпустил уникальный социально-психологический труд «Масса и власть», в 1969-м — исследование «Еще один процесс Кафки: письма к Фелице». Из-под пера Канетти вышли также автобиографические книги «Спасенный язык» (1980) и «Факел в ухе» (1982).

Канетти Элиас
100 лет со дня рождения

23.07.05